

Коллаж: ОВД-Инфо / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

02.06.2026, 20:18 [Ставропольский край](#)

СТАТЬИ

«Детство кончилось». История школьницы Сони из Ставрополя, которая написала «НАВАЛЬНЫЙ!» на остановке и стала обвиняемой

Соня надевает черное худи и спортивные штаны, старые очки и медицинскую маску. Плотно натягивает капюшон, берет баллончик с черной краской. Стараясь не разбудить родителей, спящих в соседней комнате, она спускается на первый этаж, открывает дверь и выходит в сырую февральскую ночь Ставрополя. На улице спокойно и пусто, горят фонари. Спустя несколько часов Елена и Илья узнают, что их дочь-подросток задержана.

МУЗА СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Улица Орджоникидзе проходит сквозь старую часть Ставрополя, где избушки с мансардами и палисадниками теснятся рядом с особняками позапрошлого века. Дому, в котором живет семья Л., сто пятнадцать лет.

Сам дом мало примечателен: бежевый фасад, салон-парикмахерская и ателье на первом этаже, арка с воротами, за аркой — тихий двор. В паре минут ходьбы автобусная остановка. У этой остановки в первую годовщину смерти Алексея Навального Соню и задержали.

Соня — худой загорелый подросток в очках с толстой оправой. Рукава белой школьной блузы скрывают несколько коротких шрамов. Соня говорит вызывающе твердо, смотрит прямо и не чувствует себя жертвой. Из-за надписи «Навальный!» на нее завели уголовное дело по статье «вандализм» (ч. 1 ст. 214 УК). На стене Сониной комнаты висит большой атлас мира, постер с морским закатом, картина с розой в золотистой раме, черный рюкзак на крючке, и синие часы с царапиной на стекле — Соня когда-то чиркнула шпагой. На кровати лежит потемневшее от времени и стирок одеяло. По столу ходит рыжий кот Огонек.

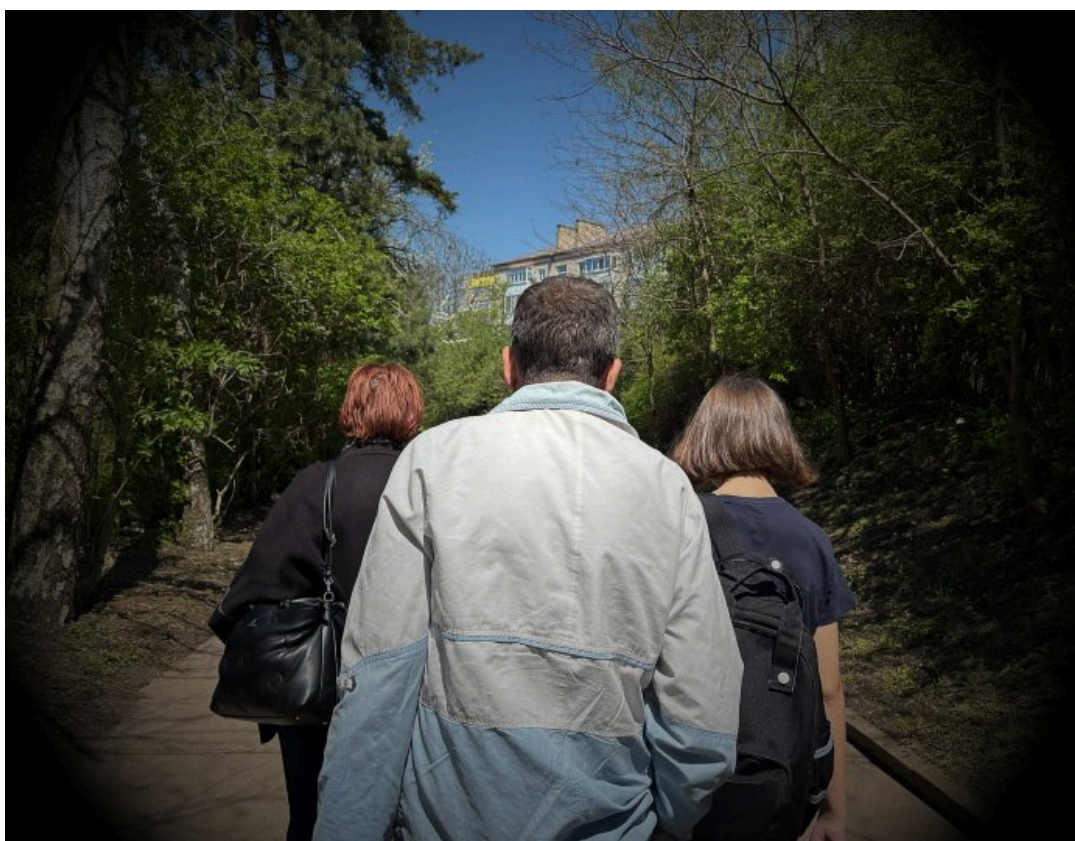
На столе лежат книги — главной книгой, повлиявшей на нее, Соня называет «Что делать» Николая Чернышевского — роман, написанный писателем во время заключения в Петропавловской крепости.

У Елены, Сониной мамы, короткие медно-рыжие волосы и глубокие темные глаза, обрамленные тенью. Кухня у Л. и просторная, и тесная — длинная, с высоким потолком, но заставленная так, что свободного места почти нет. Вдоль стены два высоких холодильника, густо покрытых магнитами. На открытых полках вперемешку — лекарства, провода, квитанции, бытовые мелочи. На фоне этой

домашней пестроты фигура Елены в черной водолазке кажется еще более строгой.

И Елена, и Илья из интеллигентской среды. Она — кандидат филологических наук. Пока семья в 2018 году не переехала в Ставрополь, преподавала на журфаке в Набережных Челнах.

У Ильи светлые глаза и округлое лицо с мягкими чертами. Он работал учителем истории, писал для заводской газеты, руководил корпоративным журналом на одном из предприятий КамАЗ, а сейчас зарабатывает копирайтингом.

Семья Л. / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

Соня занимается в литературном кружке местного центра для одаренных детей и хочет стать журналисткой.

Родители говорят, что, может, и желали бы дочери «более спокойную и денежную» профессию, но «ребенок хочет выразить гражданскую позицию».

«Хотя, по-моему, муза современной журналистики, помалкивает. По крайней мере, в официальном пространстве», — добавляет Елена.

На вопрос, какие медиа читает, 15-летняя Соня, не раздумывая, выдает длинный список независимых изданий. Когда-то она нашла у мамы чудом уцелевший в переездах номер журнала Esquire и зачитывалась. Особенно, говорит, ей тогда запомнилась цитата «одного революционера», хотя обычно ее приписывают Йоко Оно: «Когда ты мечтаешь один, мечта остается мечтой. А когда вы мечтаете вместе, вы создаете реальность».

«Безусловно, читаю „Медузу“, „Новую Газету“ — это два топовых издания. Журнал „Холод“, „Верстку“, „Новую вкладку“, „Гласную“, „ОВД-Инфо“. Горизонтальные медиа — 7×7 и „Говорит неМосква“, которые рассказывают, что происходит в регионах и чем живут обычные люди» — перечисляет Соня / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

«ВАШУ ДОЧЬ ЗАДЕРЖАЛИ»

В четыре утра 16 февраля прошлого года Елена и Илья проснулись от резкого звука: кто-то стучал в окно и барабанил в дверь. За окном оказался мужчина в черном — один из тех, кто задерживал Соню. Пара решила, что в такое время к ним может ломиться только пьяница из «Вин Кавказа» неподалеку и дверь лучше не открывать.

Вскоре у Ильи зазвонил мобильный. Незнакомый мужчина сказал коротко: «Вашу дочь задержали и сейчас увезут в отделение. Подходите к остановке». Илья вскочил, наскоро оделся и побежал туда.

«Прибегаю — дочь в наручниках. Я попросил освободить ее, сказал, что она не убежит. Но под руки они ее все равно держали», — говорит Илья.

Соня вспоминает, что, увидев ее в наручниках и в окружении мужчин, отец выдохнул: «Доигралась?»

В полицейской машине с Сони взяли письменное объяснение. В нем говорилось о двух граффити, и Соня, испугавшись, подтвердила, что сделала оба.

Из отдела полиции отец с дочерью вышли около шести часов утра, до дома шли молча. Сонин мобильный с треснувшим от удара экраном остался в участке. Илья вспоминает, что тогда больше всего боялся, что из-за Сониного поступка к ним придут люди, которые «топят за СВО», разгромят дом, выбьют стекла, оставят на стенах оскорбительные надписи. Что на Соню могут завести уголовное дело, он не предполагал.

«Они с самого начала, еще при задержании, хотели пароль от телефона. Я отказалась его назвать. Потом, когда составляли протокол в машине, требовали опять, и я сослалась на 51-ю статью Конституции. Мне ответили, мол, статья Конституции тебе тут не поможет. Но пароль я так и не сказала», — рассказывает Соня.

Спустя пару часов в квартиру снова громко стучали. Под дверью и окнами стояло около десяти человек в форме и гражданской одежде.

«Три ФСБшника, двое или трое — из Центра „Э“, инспекторша из ПДН. Это все с их слов, никто из них не показал удостоверений, — перечисляет Елена. — Начался обыск. Лейтмотивом шел телефон. Они говорили Соне: если бы ты дала пароль, не было бы ни обыска, ни всего остального. Когда в спальне рылись в вещах, один сказал ей: „Соня, тебе маму не жалко? Смотри, через что ей приходится проходить, а нужно было всего лишь назвать пароль“. Ко мне они подходили и говорили: „Мы и полы имеем право вскрывать“».

Ислам Жамурзов, адвокат Сони от ОВД-Инфо, объясняет: мобильный телефон был так сильно нужен силовикам, потому что в нем они могли бы найти дополнительный состав преступления и подтвердить «политический мотив».

«Сотрудники Центра „Э“ наблюдали за этой местностью, потому что там стали появляться антивоенные надписи — нанесенные баллончиком с черной краской, — говорит он. — Эти надписи публиковали в оппозиционном телеграм-канале, и они [сотрудники] хотели приписать их Соне. Для этого им нужен был доступ к ее мобильному и Телеграму. [Позже изъятый] телефон направили на экспертизу, но взломать не смогли. К моему удивлению — телефон не был навороченным».

Стены домов с закрасненными надписями / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

«Они говорили Соне: твое детство кончилось, тебе сейчас светит [статья за] терроризм, подстрекательство к экстремистской деятельности, призывы к свержению власти и реабилитация нацизма! Они не кричали это, а говорили тоном, который трудно описать — не то снисходительный, не то ироничный. Пугали меня всеми мыслимыми карами. А у меня одна мысль — что ребенок был ночью один. Меня изнутри колотило: могли позвонить не из полиции, а из больницы и сообщить, что с ней что-то случилось!» — вспоминает Елена.

Инспектор ПДН отказалась садиться на стул в кухне — ей пришлось искать подстилку. По словам семьи Л., она кричала про антисанитарию и беспорядок в доме. Елена говорит, что в прихожей стояли велосипед, швабры и ведро для мытья пола в связи с отсутствием кладовки. На Елену составили протокол о неисполнении родительских обязанностей (ч. 1 ст. 5.35 КоАП).

«Они наговорили про дом, что у нас тут грязно и воняет кошачьей мочой, — рассказывает женщина. — Инспектор кричала, что мы на ребенка не можем повлиять и не справляемся. Кричала и на Соню: „Не будешь ты ходить в гимназию, будешь ездить на автобусе

из ‚Росинки‘ туда и обратно“. „Росинка“ — это местный приют».

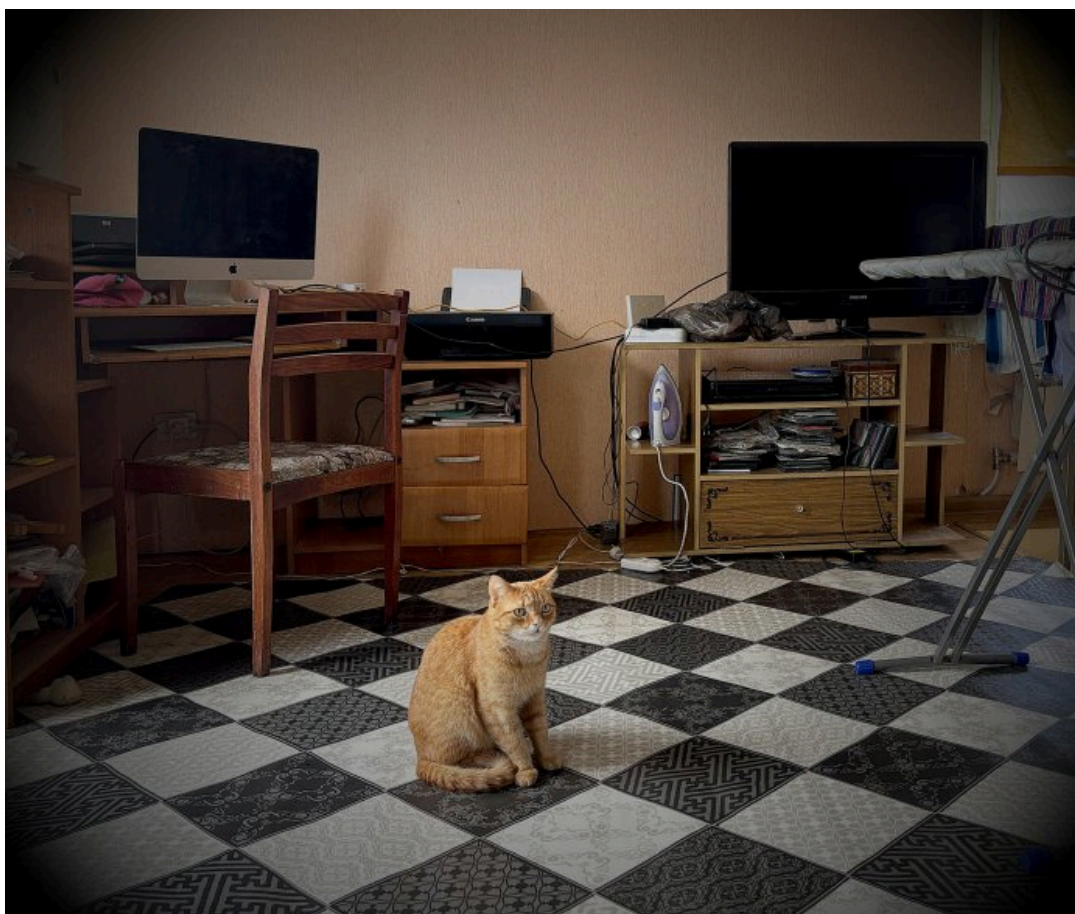

Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

«ОДНИ СЛОВА — ДЛЯ КУХОНЬ, ДРУГИЕ — ДЛЯ УЛИЦ»

Все началось с православной гимназии — так считает сама Соня. Семья переехала из Набережных Челнов восемь лет назад. Илья и Елена выгорели на своих работах, у Ильи в Ставрополе были родственники. Южный зеленый город, «врата Кавказа», казался семье отличным вариантом для спокойной жизни.

Подходило время отдавать дочь в первый класс, и пока родители искали квартиру, решили записать дочь в православную гимназию, куда можно было идти не по прописке. К тому же, как считала Елена, там была

хорошая дисциплина. Соня пошла учиться в Свято-Успенскую гимназию при церкви Успения, где проучилась первые четыре года. Класса до третьего, как она сама говорит, Соня «была ура-патриотом», а в ее плейлисте можно было найти песни Олега Газманова.

С началом войны, по словам Сони, которая в 2022 году была в четвертом классе, в школе началось «всякое зэтничество»: «Мы читали молитвы о победе на СВО, поднимали флаг. Обсуждали с одноклассниками, что происходит: все, конечно, говорили, что Украина — пешка, НАТО хочет на нас напасть, и злобные американцы нас хотят убить».

Елена настаивает, что большинство детей и их родителей все же были настроены нейтрально или аполитично: еще на первом родительском собрании выяснилось, что только кандидатов наук среди мам Сониных одноклассников шесть человек — «не та среда, чтобы слушать пропаганду».

«Думаю, они как нормальные люди в нашей стране — одни слова для кухонь, другие для улиц. То же и с одноклассниками. Соня уже тогда спорила, а большинство просто помалкивали», — вспоминает она.

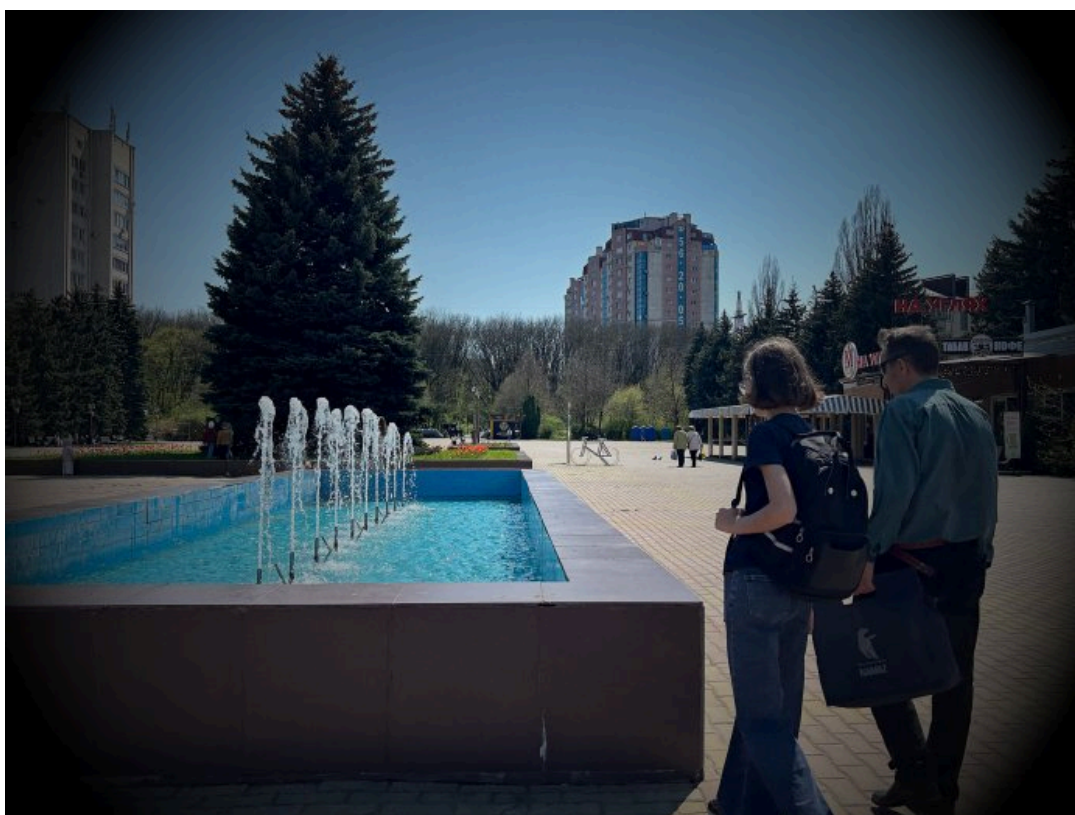
Еще в третьем классе Соня усомнилась в вере. А потом и в идеологии, поскольку с религией, по ее словам, они в школе шли рука об руку. В пятый класс Соня пошла уже в другую школу — в православной гимназии было только четыре, — а на следующих каникулах сняла крестик.

В новой школе Соня проучилась всего год: отношения со сверстниками не сложились — над ней издевались одноклассники. Она сама объясняет это реакцией то, что

она пришла из специфической среды — православной гимназии. Илья считает, «единственная вина ее была в том, что она отличница»: «Видимо, все это очень сильно ударило по ее самооценке. Я считаю, что косвенно ее желание показать себя как самую крутую стало проявляться в ее, так скажем, антиправительственных увлечениях».

Соня вспоминает, что тогда стала говорить с отцом о политике — вечерами, пока отец работал в своем кабинете на последнем в трехэтажной квартире этаже, а дочь готовилась ко сну:

«Беседы начинались с моих расспросов: почему он думает так, а не иначе? Для меня определялась моя позиция и как я вообще смотрю на мир. Я спрашивала, почему папа видит, что происходит, но ничего не делает? В чем тогда смысл того, что он это знает? Меня это раздражало».

Соня с папой на прогулке / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

Потом появился Ютуб: каналы Максима Каца, «Навальный LIVE», и «Ходорковский LIVE» — она точно не помнит, как их нашла, но уверенно говорит, что с них «началось политическое просвещение» и ответы на вопросы: «что такое демократия? либерализм? что вообще такое современная политика?».

«У меня было стойкое ощущение, что в стране бардак и нужно что-то с этим делать, — объясняет она свой интерес. — Я видела ролики на Ютубе, читала „Медузу“ и ОВД-Инфо, от всех этих новостей, мягко говоря, настроение не повышается».

В 2023 году Соня снова перешла в другую школу — ставропольскую гимназию № 12 — и там, по ее словам, «началась муштра»: школьникам устраивали мероприятия «Юнармии», с ними писали письма и собирали посылки воюющим в Украине солдатам.

Сверстников-единомышленников, да и просто единомышленников у девочки долгое время не было. Одноклассники не интересовались политикой. Происходящее она обсуждала, в основном, с папой.

«Про письма [солдатам] я прямо сказал классной руководительнице, что наша семья не поддерживает СВО, — говорит Илья. — Тогда, как ни странно, нам разрешили не участвовать. Когда собирали посылки, я предложил Соне взять какие-то конфеты из дома, но она не хотела брать, и мы не настаивали. В школе тоже не настаивали».

«„НАВАЛЬНЫЙ“ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО РАЗМЕРА»

16 февраля 2024 года в исправительной колонии особого режима «Полярный волк» в поселке Харп умер политик Алексей Навальный. «Это был очень плохой день, я хорошо

его запомнила. Для меня это очень дорогой человек, и его смерть сильно меня подтолкнула к политике», — говорит Соня.

На следующий день она узнала, что в разных городах страны в память о Навальном люди несут цветы к мемориалам жертв политических репрессий. В Ставрополе таким местом стал «Холодный родник», где есть стела, посвященная жертвам репрессий. Местные жители сообщали, что силовики задерживали всех, кто подходил к памятнику с цветами, — в отдел полиции доставили десятки человек.

«Холодный родник» находится в Таманском лесу, это часть города. Среди густых деревьев — мемориал, который открыли на месте захоронений жертв Гражданской войны и нацистской оккупации. Сюда приезжают гулять и набрать родниковой воды. Для Сони мемориал стал местом паломничества и силы.

«Это, конечно, очень по-детски, очень глупо, — говорит она. — В общем, я пошла к этому памятнику и дала себе клятву. Когда было 40 дней [со дня смерти Навального] я ходила туда возлагать цветы. И еще несколько раз. Однажды дежурили полицейские: я сделала вид, что просто гуляю».

Соня у мемориала жертвам политических репрессий / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

После этого Соня стала уходить из дома по ночам. Она дожидалась, пока родители засыпали, и отправлялась изучать стены районов города и даже отдаленных кварталов. Читала, что написано на гаражах, расшифровывала послания на остановках.

«У нас здесь по улице диалог политических идеологий через стрит-арт, — говорит она. — Есть правые и левые, неонацисты и антифа, анархисты и либералы, и все на свете. Одни пишут „Ленин жив“, другие — „Ленин лох“».

Вскоре на стенах стали появляться антивоенные символы и надписи. Где-то их зачеркивали и писали «предатели» или оставляли букву Z, но бывало и такое, что рядом кто-то оставлял пацифик и писал «ты не один».

«Было ли мне страшно? Сначала было. Пару раз я видела полицейских и убежала, — говорит Соня. — Еще убежала от алкашей, бомжей и бабок, которые орали, что я наркоман, — думали, закладчица. А потом страх куда-то исчез. Мне очень нравится ночной город, нравится ездить по нему на самокате. Фонари горят, никого на улице нет. Это невероятно вайбово».

«Когда я ее спрашивала потом: „Соня, ты понимаешь, что тебя могли ограбить, убить, изнасиловать?!“ — она сказала: „А я с собой отвертку ношу!“», — качает головой Елена.

Однажды Илья проснулся среди ночи и, решив выйти покурить на улицу, застучал Соню, которая собиралась туда же. Дочь на ходу стала придумывать, что потеряла банковскую карту и хотела ее поискать. Отец понадеялся, что Соня собралась на свидание.

«Для обычного ребенка в таком возрасте и в такое время это наиболее типично, — объясняет он. — Ребенку нужно доверять. Я подумал: главное же, чтобы она больше так не делала. Пару дней закрывал на ночь дверь и ключ забирал. Но у нас не принято держать ключи под подушкой».

Если бы в ту ночь Илья включил свет, он увидел бы, что дочь одета в кепку и спортивный костюм — не самый подходящий для свидания наряд.

«Это был месседж политическому подростку, чтобы сказать, что он не один, а не чтобы кого-то переубедить. Я довольно быстро поняла, что никакая надпись никого не переубедит и на Путина не повлияет», — говорит Соня.

Задержали ее 16 февраля 2025 года — в ночь с субботы на воскресенье. В письменном объяснении, которое Соня

подписала в полицейской машине, говорилось о двух граффити: «НАВАЛЬНЫЙ!», возле которого ее задержали, и «Путин — война и нищета», которое было поблизости. Позже в уголовном деле осталось лишь первое.

По версии следствия, Соня «решила напомнить всем гражданам о дате смерти» Алексея Навального и «с целью сокрытия своей личности и следов преступления, надела тряпичную кепку, капюшон, медицинскую маску и резиновые перчатки, после чего, удерживая в руке <...> баллончик с краской черного цвета, находящийся при ней, нанесла надпись „НАВАЛЬНЫЙ!“ значительного размера, обезобразив внешний вид указанного павильона, тем самым осквернив и испортив его». «Указанный павильон» — та самая автобусная остановка недалеко от дома.

Полиция на улицах ночного Ставрополя / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

«Я сделала надпись, отхожу и вижу, как на меня идут двое людей в черном, — вспоминает Соня. — Типичные эшники. Начинаю убежать. Они орут: „Стой!“ Догнали и повалили лицом в асфальт. С меня слетели очки, они разбились. Выпал и разбился телефон. На меня надели наручники, сунули под нос удостоверение. Но без очков я ни фига не вижу. После этого к остановке подъехала машина

со скрученными номерами. Когда меня валили на землю, было очень-очень страшно. Ощущение, что теперь меня посадят, убьют, в общем, мне хана. Они стали орать матом и сильно удивились, что я девочка и настолько маленькая. Мне было четырнадцать. Я, понимая, что это силовики, запаниковала и начала им кричать все, что о них думаю».

«ОГОНЕК ПРОТИВ ВОЙНЫ»

«Часа через полтора после начала обыска я начала дергаться, что Ильи нет, — вспоминает Елена день, когда в их дом пришли силовики. — Спросила фсбшника, где муж, потом стала спрашивать у других, они отвечали: „Мы же здесь, с вами, откуда мы знаем?“»

В начале обыска Илья поднимался в кабинет, чтобы отправить по работе текст. К нему подошел один из мужчин и попросил проехать в отдел. Елена сначала не обратила на это внимание.

«Я думал, будет беседа, — вспоминает Илья. — Сижу перед окошком в дежурной части. Передо мной периодически появляется [сотрудник Центра „Э“ по фамилии] Чмырев, я спрашиваю, когда будем беседовать. Потом меня приглашают полицейские и говорят: „Идите сюда, протокол подпишите“. И я читаю там, что, якобы находясь на улице, „вел себя агрессивно, беспричинно выражался нецензурной бранью“, хотя в то время на самом деле был дома. Сказал, что этого подписывать не буду. Они даже не спорили. Меня просто закрыли в камеру».

Полицейский участок / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

Илью арестовали по статье о мелком хулиганстве (ст. 20.1 КоАП) на двое суток. Дома продолжался обыск. Один из мужчин в форме, когда Елена сказала, что Соня — ребенок, сурово на нее посмотрел и ответил: «Это понятно. Вы — мать, вы ее защищаете. Но она тут за год все разрисовала». Кроме техники, изъяли книгу с произведениями Джорджа Оруэлла, тетрадь по истории и несколько рисунков. На одном из них был кот Огонек и надпись «Огонек против войны».

После этого Елену с Соней повезли на допрос, который так и не состоялся — не смогли найти Сониного соцпедагога. Мать и дочь вернулись домой. Соня на тот момент не спала уже сутки. Инспектор пообещала, что придет к ним с проверкой, и, чтобы отвлечься, они стали драить дом. В школу Соня не пошла — директору школы позвонили из полиции, и он уже знал, что случилось.

«Ситуация аховая, где Илья — неизвестно, это удалось выяснить только на следующий день — он позвонил из спецприемника. Я уже успела его и похоронить, и воскресить. По-моему, мы до сих пор еще не пришли в себя», — рассказывает Елена.

Илье опыт заключения дался тяжело. Он стал подозрительным, не берет телефон, если звонят с незнакомых номеров, и боится пристального внимания силовиков к семье. По словам Ильи, сокамерники сидели за воровство, и его не беспокоили.

«У меня было ощущение, что меня все бросили и непонятно, что со мной произойдет. Но, слава богу, ничего не произошло. В камере мы все втроем разговаривали. И вдруг у них началось восхваление Путина. Я подумал, что вор же вне политики. Какие тут могут быть восхваления? Проигнорировал, не стал выступать с критическими замечаниями. Вдруг это была попытка спровоцировать...», — вспоминает он.

После пережитого семья постепенно возвращалась к нормальной жизни. Илья занялся починкой старого ноутбука и пытался на нем работать. Соня пошла в школу. «Папа долго не мог меня простить», — считает она.

На тонкой загорелой руке Сони несколько коротких порезов — она объясняет их злостью на себя, что не смогла «справиться с оценками». На столе перед ней лежит коробочка с антидепрессантом и противотревожным препаратом. Соня говорит, что у нее долгое время была депрессия, но не связывает это напрямую с уголовным делом.

«У Сони [чересчур] завышенные требования к себе — чтобы была отличница, причем круглая, во всех четвертях», — скажет мне потом Илья.

Гимназия № 12, в которой учится Соня, состоит из нескольких корпусов. Красивое старое здание — конца XIX века, низкое, светлого кирпича, с толстыми стенами и вытянутыми окнами — выглядит скорее как

административная постройка или земская школа. Рядом — главный корпус: трехэтажное строение со светлым фасадом и огромным мозаичным панно на торце.

Гимназия № 12 / Фото: с официального сайта школы

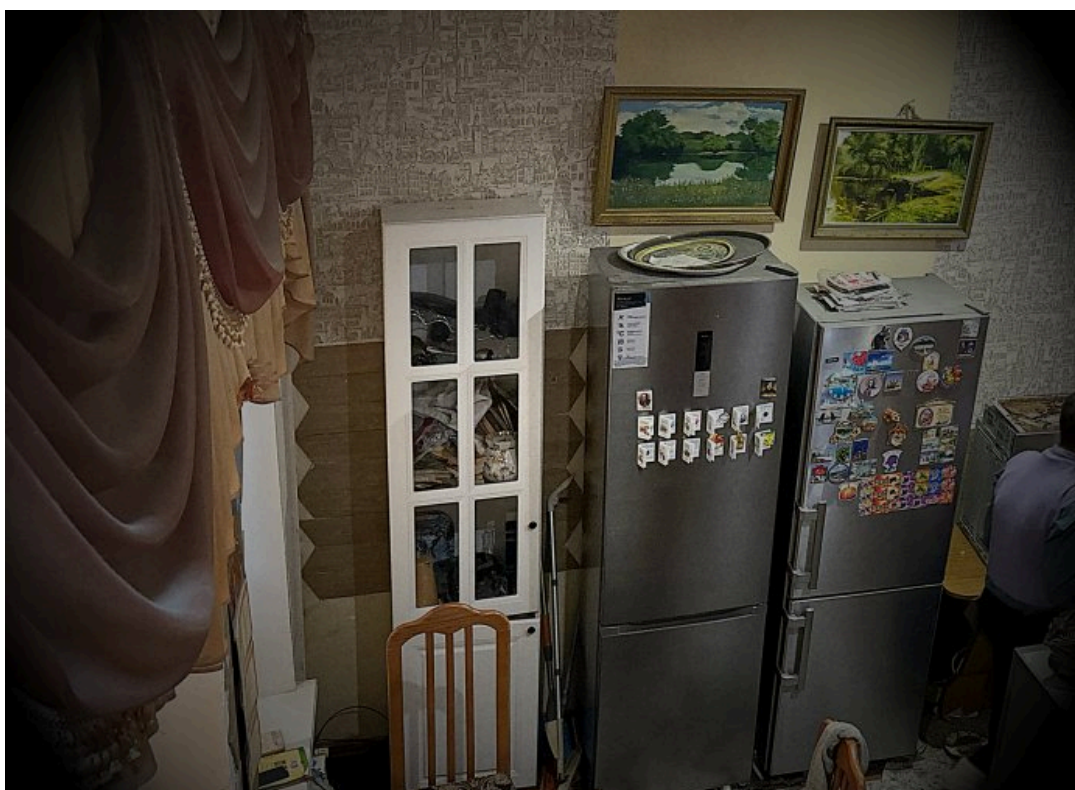
В 2023 году здесь появилась своя «Парта героя» — в честь погибшего выпускника Алексея Пустозерова, который, как [пишет](#) издание «Без формата», пошел по стопам родителей и «стал военнослужащим, мужественно защищал интересы страны в Сирии, на Украине, был представлен к медали ордена „За заслуги перед Отечеством“ II степени».

В феврале этого года в гимназии [открыли](#) стенд памяти еще одного погибшего выпускника — Глеба Барсукова. В церемонии участвовали его родные — на фото, которые [опубликовала](#) ставропольская администрация, заплаканная женщина, мать Барсукова стоит перед стендом в окружении троих дочерей и школьников.

В администрации школы корреспондентке ОВД-Инфо сообщили, что любые интервью или комментарии возможны только по согласованию с [комитетом](#)

образования Ставрополя. То же самое ответил директор школы Андрей Штанько.

«Потом была КДН, где устроили судилище, — вспоминает Елена. — В протоколе, составленном дома, было про грязный холодильник, а в том, что зачитали на комиссии, — что у нас еще и еды нет. Приписали грязную посуду, хотя есть посудомойка, и посуда в раковине не стоит никогда. Меня это возмутило, потому что меня воспитывали бабушки, пережившие войну, и родители, пережившие советский дефицит — они твердили, что в доме должна быть еда. В тот день в холодильнике были бульон, котлеты и сосиски в тесте».

Кухня семьи Л. / Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

Потом, по словам Елены, один из полицейских вскочил с места и стал орать: «Да вы знаете, что это за семья?! У них дочь задержали, она делала надписи про Навального, ненавидит нашу страну и нашего президента!» После этого все начали кричать. Елена пыталась объяснить, что

Соня отличница и олимпиадница, кто-то крикнул: «Ах, еще и отличница!»

«Это была какофония, я на вопросы отвечать не успевала, даже если бы захотела», — заключает женщина.

На основании протокола о неисполнении родительских обязанностей Елене присудили штраф — сто рублей. Соню обязали ходить к психологу. Сначала та работала только с Соней, время от времени приглашала Елену, теперь они ходят к специалисту втроем с Ильей.

«По-хорошему, нам всем бы не к семейному, а к клиническому психологу или в санаторий, но пока ни по времени, ни по финансам мы не можем этого себе позволить», — говорит Елена.

«ТАМ НЕТ ЭТИХ НАДПИСЕЙ. ТАМ ДРУГОЕ БЫЛО»

По Сониному делу в качестве потерпевшей стороны выступила районная администрация: ущерб от надписи «НАВАЛЬНЫЙ!» оценили в 5888 рублей 91 копейку, «затраченных на очистку» павильона. ОВД-Инфо обратился за комментарием к Светлане Цыпуштановой, представительнице администрации, которая судилась с Соней. По словам женщины, она не в курсе, что именно было написано на остановке.

«Уголовное дело рассматривалось по вандализму. У меня нет сведений, что там были надписи про Навального. Там не было этих надписей, там другое было», — сказала она и предложила созвониться позже. После этого женщина перестала отвечать на звонки.

Участковый при встрече с семьей ссылался на объяснительную, в которой была еще и второе граффити — «Путин = война и нищета».

«Он долго выяснял, почему я тогда подписала этот протокол, — говорит Соня. — При этом убеждал: мол, нет, я тебя не запугиваю. Вот только подпиши, только расскажи, как что было. И мы тебя отпустим. Мы объявили, что признаем только эпизод от 16 февраля. Потом ему кто-то позвонил, и все в одночасье кончилось».

«На первом судебном заседании зашла речь о возмещении ущерба — судья сама спросила, и я сказала, что мы готовы, — говорит Елена. — Мы пытались с этой Светланой Юрьевной, представительницей администрации, созваниваться, договариваться. Сходили, прямо при ней оплатили [ущерб]».

Судью, по словам Елены, «штормило». Одно судебное заседание закончилось предложением «поговорить с администрацией о примирении сторон». Следующее началось со слов «суду стало известно, что вы состоите на учете как семья в сложном социальном положении, а вы утверждали, что у вас никогда проблем не было». И семья объясняла, что на учет их поставили, лишь когда задержали Соню.

«На последнем заседании у меня спросили про доход. Я объяснила, что муж зарегистрирован как самозанятый, и назвала свою официальную работу: у меня есть электронная трудовая, со стажем и отчислениями. В приговоре написали, будто мы „сообщили суду, что официально не трудоустроены и не имеем постоянного источника средств, поэтому штраф приведет к ухудшению материальных условий“» .

«ТАК СПОКОЙНО — ПРО ОППОЗИЦИЮ»

В прошлом году, пока шло дело, Елена с Соней ездили на «Холодный родник» — мать хотела посмотреть на место силы дочери.

«Когда мы подали апелляцию на приговор, нас вызвали в школу и сказали: „Зря вы ее так поддерживаете! Если ее освободят от наказания, она ничего не прочувствует!“ Завуч-брюнетка говорила: „Это одна из ваших главных ошибок!“, — рассказывает Елена. — Я сказала там только одну фразу. В мою бытность преподавателем участие студентов в политических движениях было абсолютно нормальным. Будь у нас сейчас оппозиция, я бы сама Сою взяла за руку и туда отвела, чтобы ее энергия была направлена в нужное русло, на благо страны. А мне сказали: „Что вы такое говорите? Так спокойно про оппозицию?“».

Сою приговорили к 70 часам обязательных работ. От прекращения дела по примирению сторон представитель администрации отказалась, но попросила назначить минимальное наказание. Соня испугалась и решила, что «будет, как в колонии, шить или туалеты драить с кучей трудных подростков».

«Если бы там была надпись не „Навальный“, а, например, матерное слово, я не уверен, что был бы состав [преступления], — рассуждает адвокат Ислам Жамурзов. — К тому же есть „принудительные меры воспитательного воздействия“ — их применяют, чтобы дети, которые впервые оступились, могли избежать уголовной ответственности. Они могли эти нормы применить, но не захотели. Более того, в кассационном суде прокуратура встала на нашу сторону и просила вернуть дело для прекращения уголовного преследования и применения этих мер (но суд не согласился — ОВД-Инфо). Этого было бы более чем достаточно при признании вины, возмещении ущерба и положительных характеристиках».

Обязательные работы Соня должна была отбывать в Ботаническом саду на другом конце города. В первый день ей нужно было подмести землю под столами, на которых стоят горшки с растениями. Вместо положенных трех часов ее отпустили через полтора.

«Вся эта история была нужна мне чем раньше, тем лучше, — рефлексит Соня. — Если бы это произошло, когда мне было шестнадцать, последствия могли быть куда хуже. А так я поняла, как функционирует эта система, какие люди там работают, стала более философски смотреть на вещи, моя позиция шлифуется. С родителями эта ситуация нас сплотила. Психолог сказала про нас с папой, что мы понимаем друг друга с полуслова — такая ментальная связь. И я всегда чувствую, что чувствует мама».

Фото: Марина-Майя Говзман для ОВД-Инфо

Елена считает, что все могло быть куда как хуже: «Адвокаты говорили, что это максимум условный срок, но я и помещение в приют, и колонию тоже не исключала. На этом фоне 70 часов обязательных работ в свободное от учебы время — не самое тяжкое, что могло бы быть».

«Ты хотела бы откатить все назад и вернуться в то время, когда в твоей жизни не было ни Максима Каца, ни издания „Медуза“, ни „Новой газеты“?» — спрашиваю я Соню.

«Безусловно, категорически нет! Политика, борьба за свою страну, за свободу — одна из ключевых составляющих моей личности. Если меня лишить этого, не будет именно меня, — сходу выпаливает девочка. — Что меня лично не устраивает? Отсутствие свободы в стране, блокировки интернета. Экономика в упадке, высокие цены, война идет, люди там гибнут, и на этой войне может оказаться каждый. Вот папа уже не призывного возраста. А если бы у меня был брат?»

Марина-Майя Говзман

Ещё почитать

09.10.2025 Ставропольский край

14-летнюю школьницу из Ставрополя приговорили к обязательным работам из-за надписи «Навальный»

«Ничего маме не говори про „газель“, чтобы она не волновалась». В Екатеринбурге силовики избили студента, пытаюсь добраться до его мобильного

Угрозы «увезти в лес» за отказ дать пароль от мобильного, выкручивание рук и побои. Так прошло задержание активиста в Екатеринбурге.

«Мемориал» объявили «экстремистской» организацией. Что это значит?

Хотя «Международного общественного движения „Мемориал“» не существует, 9 апреля 2026 года Верховный суд объявил его «экстремистским». Подобное происходит не впервые: например, так уже

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

[**ПОДПИСАТЬ ПЕТИЦИЮ**](#)

Дело о спектакле «Финист Ясный Сокол»

14 новостей и текстов по теме